
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова*

ДУАЛИЗМ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ТИПОЛОГИЯ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ¹

Аннотация. В статье анализируется влияние особенностей массового политического сознания на формирование массовой политики. Массовое политическое сознание интерпретируется как один из ключевых факторов, определяющих характер политической реальности. Авторы развивают тезис о дуализме массового политического сознания россиян – воспроизводящемся на протяжении нескольких веков со-
вмещении традиционных (архаичных) и современных норм, ценностей и установок. Показано, что дуалистическое политическое сознание определяет растущую деполитизацию масс, но потенциально может продуцировать и деструктивную политику

* **Патрушев Сергей Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН, профессор Всероссийской академии внешней торговли, e-mail: patrushev2009@hotmail.com; **Филиппова Людмила Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Patrushev Sergey, Department of comparative political research, Institute of sociology, Russian Academy of Sciences; Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia), e-mail: patrushev2009@hotmail.com; **Philippova Liudmila**, Department of comparative political research, Institute of sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

¹ Выполнено в рамках проекта Института социологии РАН «Институциональные проблемы массовой политики: методологические и теоретические аспекты» (01201364861).

масс. В качестве способа преодоления дуализма массового политического сознания рассматривается вовлечение масс в политику граждан.

Ключевые слова: политическое сознание; массовое сознание; нормы и ценности; дуализм; массовая политика; модернизация.

S.V. Patrushev, L.E. Philippova

Dualism of mass consciousness and a typology of mass politics

Abstract. The article analyzes the features of mass political consciousness and their influence on shaping of mass politics. The mass political consciousness is interpreted as one of the key factors determining the characteristics of political reality. The authors develop a concept of dualism in order to describe mass political consciousness of Russian people – a combination of traditional (archaic) and modern norms, values, and attitudes which has been reproducing for centuries. It is demonstrated that the dualistic political consciousness serves as a basis for an increasing depolitization of masses, but also has a potential to produce destructive politics of the masses. Mass involvement in politics of citizens is suggested to overcome the dualism of mass political consciousness.

Keywords: political consciousness; mass consciousness; norms and values; dualism; mass politics; modernization.

Замысел данной статьи возник в процессе исследования генезиса и эволюции массовой политики – масштабного вовлечения индивидов в политический процесс. Мы попытаемся наметить контуры исследования, направленного на понимание связи между трансформацией массового сознания и формированием типов массовой политики.

В оценке массовой политической активности принято выделять два друг другу противостоящих подхода – «элитистский», сторонники которого склонны рассматривать активность масс как потенциально опасную и деструктивную, и «радикально-демократический», сторонники которого, наоборот, видят в массовом участии залог реализации идеалов народовластия. Разделяя вторую точку зрения (хотя бы потому, что из нее не следует «простой» вывод о том, что вовлечение «широких масс» в политику следует если не пресекать, то уж никак не поощрять), мы, однако, признаем, что любой массовый «выход» людей в политическое пространство несет в себе как созидательный, так и разрушительный потенциал. Следовательно, возникает необходимость осмысления того, при каких условиях включение в политику значительного числа индивидов будет создавать новую институциональную среду и расширять

возможности влияния на принимаемые решения, а при каких – способствовать деинституционализации и угрожать существованию государства. Одним из направлений анализа может быть изучение особенностей массового сознания, его нормативно-ценностного содержания и соотнесение их с различными формами массового включения в политику. Как учили знающие люди, для понимания политических явлений «надобно войти в политическое сознание» [Ключевский, 1987, с. 187].

Категории «сознание» и «политическое сознание»: Проблема дефиниций и интерпретаций

В XX в. исследователи часто обходили вопрос о сознании человека, считая, что он отягощен философскими аспектами, трудно поддается экспериментальной проверке или имеет слишком субъективный характер, чтобы подойти к нему с научных позиций [Мозг, познание, разум, 2014, с. 54–55]. Сегодня ситуация изменилась – каждый год публикуется примерно 5000 статей, в которых фигурируют понятие сознания или смежные понятия – «осведомленность» (awareness); «эксплицитный познавательный процесс» или «сознательный когнитивный процесс» (explicit cognition); «эпизодическое воспоминание» (episodic recall); «фокусное внимание» (focal attention); «осознаваемые» процессы («conscious» processes) [Мозг, познание, разум, 2014, с. 59–60]. Поиск в Google дает 278 тыс. упоминаний «массового сознания» и 94 тыс. упоминаний «политического сознания» (сентябрь 2016 г.) Накопилось большое количество эмпирических подтверждений того, что хотя процесс восприятия окружающего мира протекает не совсем осознанно, его конечный результат вполне осознаваем. Осознанность присуща человеку как биологическому виду, оставаясь при этом индивидуальным свойством каждого.

Декарт расколол мир на **rescogitans** и **resextensa** (душа и тело). В философии дуализм – признание существования особой ментальной реальности, отдельной от физического мира. Наука (детерминизм и редукционизм) развивалась в согласии с монистической установкой; монистический материализм является мейнстримом современной философии сознания [Юлина, 2015]. Вместе с тем в последние годы усиливается влияние подхода, при котором «тело

и сознание (вещественное и идеальное, материя и дух) находятся в отношении взаимной, циклической детерминации» [Князева, 2014, с. 263].

В современной науке категория «сознание» рассматривается как фундаментальная (предельная) абстракция [Зинченко, 2008, с. 14]. Нередко сознание пытаются определить через противопоставление его столь же абстрактному «не-сознанию» или описывают через носителя сознания – как *«состояние осознаваемой субъектности»* [Consciousness, б. г.]. Автор известного «Философского словаря» Андре Конт-Спонвиль признает, что сознание – «одно из самых трудных для определения слов – возможно, потому, что всякое определение апеллирует к сознанию и подразумевает сознание» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 559–560]. Предлагаемое им в итоге определение, как и многие другие, не столько определяет, сколько пытается наметить некие пути преодоления логического круга: «Сознание – это своего рода отношение себя к себе, но не имеющее ничего общего ни с адекватностью (не всякое сознание есть знание; бывает и ложное сознание), ни с тождественностью (иметь самосознание – не то же самое, что быть собой), ни с инаковостью (сознание существует только для себя)... Сознание – это присутствие в себе духа или души, своего рода мысли, способной к самосмыслению» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 559–560].

Неопределенность категории «сознание» не становится препятствием для большинства российских политологов при определении и, главное, использовании понятия «политическое сознание»¹. Достаточно заявить, что политическое сознание многомерно и может быть концептуализировано в различных теоретических моделях. Соответственно, отечественная политическая наука не стремится к единой трактовке этого понятия, хотя некоторые понятийные «сгущения» наблюдаются. Мы не готовы изменять сложившейся традиции и не будем без особой необходимости пытаться решать категориальные проблемы. Тем не менее определенное

¹ С 1990 по 2012 г. в России защищено три десятка кандидатских и докторских диссертаций по политическому сознанию по историческим, философским и политическим специальностям [Амиров, 2010; Елева, 2003; Кулакова, 1995; Лазебный, 1998; Смолина, 2003; Суслонпаров, 1995; Суханов, 2002; Храпов, 2011; Широков, 1996 и др.]; среди них в том числе диссертация доктора политических наук [Поливаева, 2009 а].

прояснение понятийного аппарата в целях возможной операционализации, видимо, неизбежно.

Н. Поливаева дает следующее определение политического сознания: «Политическое сознание – это исторически обусловленное отражение и выражение (в идеологии и психологии различных субъектов) общественных отношений по поводу власти, регулирования этих отношений и процессов, внутренних и внешних факторов функционирования государства и политических институтов» [Поливаева, 2009 а]. Политическое сознание сущностно связано с восприятием политики и формированием отношения к ней, с освоением и организацией политической жизни; оно обуславливает «поведение больших групп людей, использующих инструменты политической власти, различные политические структуры и способы для решения конкретных проблем этих групп и общества в целом» [Поливаева, 2009 а].

Существует немало дефиниций, делающих акцент на субъекте политического сознания: политическое сознание понимается как субъективный компонент политики и рефлексия субъекта политического процесса относительно самого этого процесса и своей роли в нем, выраженная в многообразных проявлениях духовности людей, которые отражают деятельность механизмов политической власти и направляют их поведение в сфере политических отношений [Баталов, 1990, с. 433; Биккенин, 1986, с. 72; Бодио, 1991; Василенко, Першин, 2000; Гаджиев, 1994; Мелешкина, 2001; Мшвениерадзе, 1981]. Среди распространенных определений – «восприятие субъектом той части окружающей его действительности, которая связана с политикой и в которую включен он сам, а также связанные с ней действия и состояния» [Ольшанский, 2001, с. 56]. Или: «Политическое сознание отражает все те идеалы, нормы и иные воззрения человека, на которые он ориентируется и которые использует для адаптации к механизмам власти и выполнения в политике присущих ему функций» [Соловьев, 2014, с. 334]. **Или – «комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений, эмоциональных состояний субъектов политических отношений»** [Общая и прикладная политология, 1997, с. 660]. Или, в более современной терминологии: **«совокупность ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса»** [Денисов, 2004].

Рядом с «субъектом» неизбежно появляется «объект» политического сознания: «все представления людей, опосредующие их объективные связи как с институтами власти, так и между собой по поводу участия в управлении делами государства и общества» [Поливаева, 2009 а, с. 35; цит. по: Мартынов, 2015, с. 60] (отметим, что здесь политическое понимается как связи с институтами власти и связи по поводу участия в управлении).

Понятийная связка «субъект–объект» с необходимостью ведет к пониманию политического сознания как «отражения» общественного бытия: экономических и политических отношений, институтов власти, политического господства и управления [Андреев, 1992; Кертман, 1994; Массовое сознание и массовые действия, 1994; Мельвиль, 1998]. В связи с этим некоторые исследователи обращают внимание на то, что при рассмотрении сознания «отражения» изучается либо «вход», либо «выход», а сам феномен «политического сознания» фактически игнорируется, его анализ подменяется рассмотрением «входа» – сознательного и бессознательного опыта. Современный конструктивизм полагает, что «человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его» [Князева, 2014, с. 12]. Что позволяет, уже без отсылки к источнику, утверждать, что «политическое сознание не только отражает мир, но и творит его» [Поливаева, 2009 b, с. 4]¹.

В структуре политического сознания традиционно выделяются несколько уровней рефлексии: идеологический – в виде абстрактной идеи или определенной теоретической модели (идеологической доктрины) – и психологический – в форме установок, ценностей, чувств, настроений; познавательный (знания о политике, интерес к политическими явлениям, убеждения) и мотивационный (потребности, ценности, чувства и установки); теоретический (специализированный) и обыденный (эмпирический, повседневный опыт общения) [Амиров, 2010; Баранов, 2007; Дегтярев, 1998, с. 91; Денисов, 2004; Соловьев, 2014; Block, 1995; Carruthers, 2000; Jameson, 1981; Samuels, 1993]. В зависимости от субъекта политическое сознание разделяют на элитарное / политических элит

¹ Как известно, в первоисточнике это звучит несколько по-иному: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Ленин, 1969, с. 194].

(идеология, наука, пропаганда и агитация) и массовое / народное (здравый смысл, осмысление индивидуального или коллективного опыта). Нередко также разделяют индивидуальное и массовое политическое сознание, хотя эти две формы сознания неразрывны и взаимообусловлены. По мнению Г. Дилигенского, массовое сознание «не имеет надындивидуальных форм существования», может функционировать, «лишь входя в содержание множества сознаний индивидуальных», «существует, реализуется в массах индивидуальных сознаний», в нем запечатлены знания, представления, нормы, ценности, разделяемые той или иной совокупностью индивидов, выработанные в процессе их общения между собой и совместного восприятия социальной информации [Дилигенский, 1983, с. 7].

Одно из центральных мест в структуре политического сознания занимают политические ценности – фундаментальные ментальные образования, абстрактные идеалы, представления об идеальных моделях поведения и идеальных конечных целях. В. Лефевр выделяет два класса ценностей: высшие моральные ценности (вера, достоинство, чувства вины и справедливости) и материальные ценности (не измеряемые, однако, только деньгами) [Лефевр, 2003]. Высшие ценности, которые в принципе не могут быть упорядочены, относятся к обширным классам ситуаций, а низшие – к отдельным ситуациям [Лефевр, 2009, с. 51–56]. Политические ценности представляют собой социально-групповые представления, интернализованные индивидом и служащие основой для формирования конкретных политических установок.

Содержание политического сознания не исчерпывается набором ценностей. Так, К. Холодковский выделил в структуре массового политического сознания три основных компонента: «уровень ожиданий и оценка своих возможностей влиять на политическую систему в целях реализации имеющихся ожиданий; социально-политические ценности, лежащие в основе идеологического выбора (справедливость, демократия, равенство, порядок, стабильность); мнения, оценка текущего положения, правительства, лидеров, конкретных политических действий и т.д.» [Холодковский, 1979, с. 126–127]. В качестве реального выражения этих компонентов массового сознания рассматриваются общественное мнение и массовые настроения. Как осознанная точка зрения индивидов они поддаются инструментальной фиксации. Имея в виду возможность экспликации содержания политического сознания и не забывая о том, что

оно представляет собой не только отражение, но и конструирование политической реальности, мы должны задать вопрос, какую политическую реальность творит массовое политическое сознание в России.

**Дуализм российского сознания:
Поиски социетальной рамки анализа массового
политического сознания и массового поведения**

По мнению директора Левада-центра Л. Гудкова, природа российского общества не понятна ни большинству аналитиков, ни публике [Гудков, 2016]. Чтобы прояснить эту проблему, предлагается отказаться от применения самых общих понятий – «авторитаризм», «демократия», «гражданское общество», которые не принимают во внимание особенности страны, и использовать понятия «тоталитарная система» и «тоталитарный режим». Исследователь полагает, что «с начала 2000-х годов мы имеем дело с попыткой если не реставрации тоталитарного режима, то его модификации» [Гудков, 2016]. Не будем комментировать замену одних «общих понятий» другими, видимо, менее общими понятиями¹. Для нашего изложения важны выводы исследователя о неравномерности институциональных изменений и относительной устойчивости отношений, связанных с коллективной идентичностью и институтами, которые ее воспроизводят. Эти выводы позволяют подойти к пониманию специфики современного российского сознания.

Н. Розов [Розов, 2011, с. 101–103] свел воедино черты разработанного Ю. Левадой [Левада, 2000] и Л. Гудковым и подкрепленного результатами многолетних социологических опросов Левада-центра (ранее – ВЦИОМ) нормативного концепта «простой советский / постсоветский человек»:

– «массовидный, *усредненный*... подозрительный ко всему новому и своеобразному; неспособный... понять поведение... другого, если оно не выражено в языке иерархии государственных статусов;

¹ Наша позиция по этому поводу изложена в ряде публикаций [Граждане и политические практики, 2011; Гражданское и политическое, 2013; Институциональная политология, 2006; Патрушев, 2011].

– адаптированный к существующему социальному порядку... адаптация носит пассивный характер... массовый человек... принимает произвол остающегося по-прежнему бесконтрольным “государства”;

– **ограниченный** (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни... ориентирующийся на упрощенные образцы отношений;

– **иерархический**, четко осознающий, что не только экономические и социальные блага... но и человеческие права, внутреннее достоинство, уважение, “честь”... распределяются в соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти;

– хронически **недовольный**... прежде всего, тем, что представляется ему в качестве всем “положенного”, а потому **разочарованный**, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов, и тем, что ему “дано”;

– считающий себя вправе обманывать всех, с кем он имеет дело: как начальство, власть, так и своих близких... **лукавый**... демонстрирующий лояльность властям и своему окружению, но по-настоящему заботящийся лишь о своем выживании или об очень узко понимаемых прагматических интересах;

– **неуверенный** в себе... он никогда не может полагаться на действие правил формальных государственных институтов, значит, на правовую и социальную защищенность, стабильность, предсказуемость условий своего существования... имеет хронический комплекс недооцененности, коллективной ущемленности;

– вместе с тем его разочарованность и чувство неполноценности компенсируются сознанием своей (массовой, коллективной) **исключительности**;

– эти чувства прорываются неупразднимой **ностальгией** по идеализируемому прошлому, к которому относят все несостоявшиеся мечты... страхи вплоть до ксенофобии и параноидальной убежденности в существовании внешних и внутренних врагов, темных сил и “заговоров” против России;

– жесткость предъявляемых к нему нормативных требований и правил снимается не только **двоемыслием** и лукавостью, но и **коррупцией** (причем эта коррупция двунаправленная: подкупается не только власть... но и само население» [Гудков, 2009, с. 15–16].

«Стратегия пассивной адаптации» предполагала снижение запросов, отказ от высших ценностей. По мнению Л. Гудкова, «эти социальные навыки, социальные механизмы организации жизни чрезвычайно устойчивы и важны, и они сохранились до сих пор». На них «держится нынешняя культура – на таком низком уровне готовности к политическому участию, к отстаиванию своих прав, к проявлению солидарности...» [Гудков, 2016]. При этом чувство неполноценности индивидуального существования компенсируется сознанием принадлежности к большому целому.

Эти актуальные наблюдения автора важны для нас потому, что подтверждают возможность использования подхода, предложенного в 1990-е годы А. Хлопиным, М. Ильиным, а также Н. Бирюковым и В. Сергеевым, которые обратили внимание на феномен двоемыслия, отражающий дуализм массового сознания [Хлопин, 1994; Ильин, 1997; Бирюков, Сергеев, 1998].

Истоки дуализма массового сознания в России обнаруживаются отнюдь не в «тоталитарном» советском прошлом, а в гораздо более ранних исторических периодах. Исследование становления российского политического сознания [Калашникова, 2006] выявило ряд тенденций, воспроизводство которых в наши дни кажется постоянным возвращением на круги своя [Пути России, 2016].

В Западной Европе формирование современного типа политического сознания происходило с началом Нового времени в ходе многосоставного и относительно длительного процесса. Как вслед за Р. Козеллеком отмечает М. Ильин, модернизация политического сознания включает темпорализацию (появление «горизонта ожиданий» и историчности мышления), демократизацию (распространение новых нормативных стандартов на значительные массы населения), идеологизацию (генерализацию понятий и моделируемых ими институтов – от партикуляризма к универсализму), политизацию (обратное воздействие понятий, мифов, дискурсов на политические процессы в качестве планируемой и целенаправленной деятельности) [Ильин, 1997, с. 4]. Реальный переход предполагал также секуляризацию политического сознания, суверенизацию и натурализацию политических мировоззрений, конституционализацию национально-государственного самосознания. Эти процессы сопровождались формированием двоемыслия – использования двойного стандарта в отношении к государству и к гражданскому обществу, имеющим разные логики политической организации

(господство vs контракт), и поиска способов «переключения» с одной логики на другую. На этом историческом этапе, отмечает М. Ильин, двоемыслие имеет прогрессивное значение [Ильин, 1997, с. 7] – оно не только позволяет «снять» противоречие между индивидуальными воззрениями и устремлениями и требованиями социальных норм, неизбежно возникающее при разделении частной и публичной сфер, но и «обезличить» политические институты (отделить «государя» от «государства»).

В России второй половины XVIII–XIX в. политическое сознание формировалось в условиях раскола – во-первых, между доминирующим по численности крестьянским населением и немногочисленным дворянством; во-вторых, между модернистским и антимодернистским мировоззрением (к середине XIX в. этот раскол оформился в противостояние западников и славянофилов). Одновременно сосуществовали политическое и предполитическое (потестарное) сознание, причем, по мнению многих авторов, последнее преобладало [Ахиезер, 1995; Ахиезер, 1997; Ирошников, 2001; Кнабе, 2002; Миронов, 2000; Rogger, 1960]. Традиционная культура русских крестьян была сформирована в русле архаических суеверно-обрядовых представлений [Коршунков, 2003, с. 301]. Крестьянство было носителем верноподданнического и бунтарского типов «политического сознания» [Alexander, 1969]. Разные группы дворянства представляли и консервативный, и либеральный, и революционный типы такого сознания [Плимак, 1983]. Представители «третьего сословия» склонялись к либерально-демократическому и революционному типам политического сознания. В каждом случае сформировались свои традиции, определившие и последующее развитие политического сознания в России [Калашникова, 2006].

Как отмечает А. Хлопин, «процесс европеизации в дореволюционной России стимулировал антимодернистскую установку как у исповедовавших идеологию уравнительности низов, так и у образованной элиты» [Хлопин, 1994, с. 50]. «Двоемыслие» в результате заключалось в необходимости соответствовать в публичной сфере европеизированному образцу, абсолютно не органичному глубинным ценностям, архаичным по своей сути. Так, «заимствованные у европейских народов технологии, формы организации труда и... социальные идеалы парадоксальным образом воспроизводятся в социуме с глубоко укорененными стереотипами архаи-

ческого мышления и поведения. Парадоксальным сочетанием европеизма и архаики определяются промежуточность, своеобразная двойственность российской цивилизации» [Калашникова, 2006, с. 51].

В чем причина того, что российское «двоемыслие», в отличие от «двоемыслия» западного, не способствовало формированию современного типа политического сознания? В Западной Европе гражданское общество складывалось на договорных принципах, в результате чего «при условии эквивалентного или паритетного распределения взаимных прав и обязанностей устанавливалась некая идеальная соразмерность между ответственностью перед социумом и автономией индивидов от него» [Хлопин, 1994, с. 56]. В России же гражданского общества не формировалось, а основным принципом социальной организации была «соборность», разрешавшая противоречие между частным и общественным путем «растворения» первого во втором. В этом заключается главное различие между западноевропейской и российской социальностью: «...договорный принцип самоорганизации социума резко контрастировал с соборным. Если первый из них гарантировал право индивида на “свободу быть особенным и независимым” внутри любых добровольно созданных объединений, то второй принцип санкционировал его право на свободу лишь через служение социуму, где “каждый радостно отдает целому всего себя”» [там же, с. 57].

Именно воспроизводящееся противоречие между поверхностным модернизмом и глубинным арахизмом составляет суть дуализма современного российского политического сознания. Экономические, социальные и политические инновации оцениваются в соответствии с архаической системой критериев. В массовом политическом сознании сочетаются противоположные установки и ориентации, требующие рационального объяснения: позитивное отношение к демократии и призывы навести порядок за счет ограничения свобод граждан, ориентация на укрепление государства и отчужденное отношение к органам государственной власти, положительное восприятие выборов в органы государственной власти и неверие в справедливость и честность выборов, всплески политической активности и отказ от активных форм политического участия [Леденева, 2004]. Помимо этого, современный российский социум расколот по множеству оснований: классовому, имущественному, идеологическому, национальному, региональному, религиозному, относительно путей и источников

выхода из кризиса. Соответственно, фрагментированно и массовое политическое сознание.

Дихотомия традиционного (архаичного) / современного сознания лежит в основе дифференциации социальных практик. В своей повседневной деятельности индивиды соотносят свой опыт с нормативно-ценностными комплексами, оценивая, а следовательно, и выстраивая реальность в соответствии с особенностями массового сознания. Дуалистическое политическое сознание затрудняет как выработку и оценку альтернатив развития, так и формулирование позиции по отношению к власти и ее политике. Сдвиг в сторону обыденного сознания за счет теоретического повышает значение психологии и снижает значение политической идеологии. Либеральные взгляды носят характер настроений, а не убеждений, уживаются со старыми мировоззренческими схемами. Авторитарное сознание является устойчивой и непротиворечивой идейной системой для адаптантов и неадаптантов.

Позиции российских респондентов по ключевым проблемам демонстрируют устойчивое размежевание (или даже раскол). Это можно проследить, например, по оценке таких фундаментальных вопросов, как отношение к распаду СССР и возможности его предотвращения, отношение к эпохе Ельцина (диаграммы 1–3) [Эпоха Ельцина и распад СССР, 2016; Распад СССР, 2016].

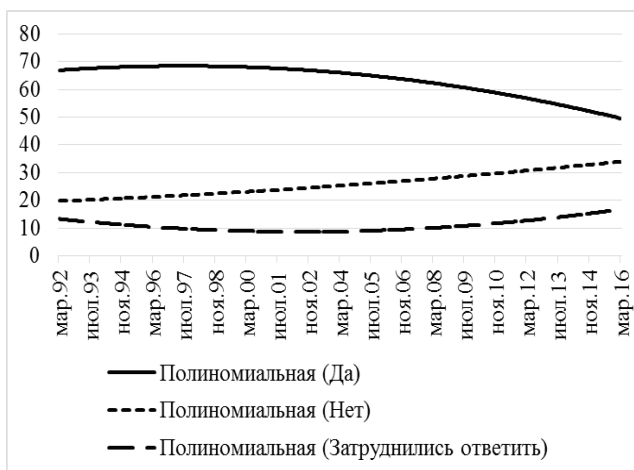

Диаграмма 1
Сожалете ли вы о распаде СССР? (% опрошенных)

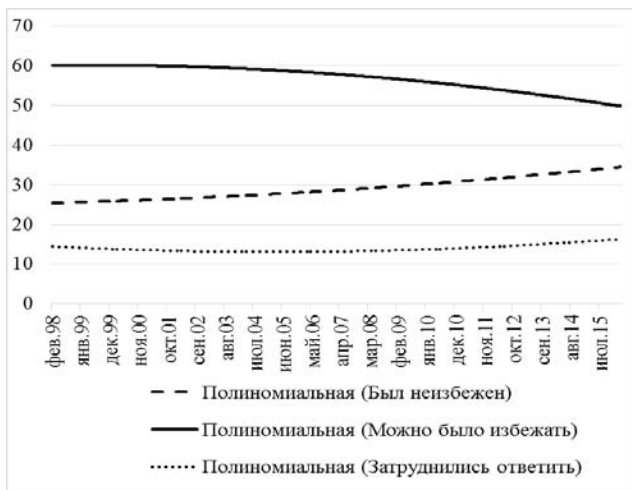

Диаграмма 2

Как вы считаете, распад СССР был неизбежен или его можно было избежать? (% опрошенных)

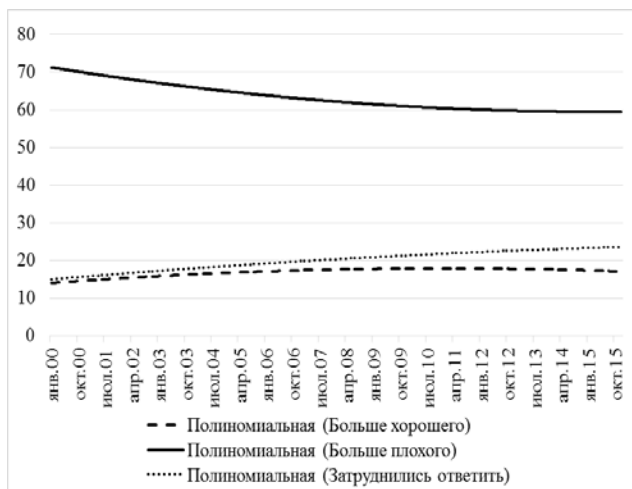

Диаграмма 3

Если говорить в исторической перспективе, как вы думаете, эпоха Ельцина принесла России больше хорошего или больше плохого? % опрошенных

Массовая политика как предпосылка и результат массового сознания

Вернемся к вопросу, поставленному выше: какую политику продуцирует дуалистическое политическое сознание в современной России? В коллективном исследовательском проекте, в реализации которого принимали участие авторы данной статьи, разработана типология массовой политики, т.е. процессов, связанных с вовлечением в политику больших групп людей. Первоначальный вариант этой типологии был представлен в 2014 г. [Патрушев, Филиппова, 2014], впоследствии он был дополнен и расширен [Патрушев, Филиппова, 2016], в том числе в коллективной монографии «Массовая политика: институциональные основания» [Массовая политика, 2016]. Основой для данной типологии (табл. 1) послужили характер субъектности коллективных акторов политического процесса и основания их вовлечения в политику. На наш взгляд, выделенные типы могут быть соотнесены с актуальными характеристиками массового политического сознания.

Таблица 1

Типология массовой политики

	Политика масс(ы)	Политика граждан	Политика множеств(а)
Субъекты	<i>Масса (ы)</i> – простейшая форма общности: «социальная протоплазма», орда, неразличенное множество, простое сложение однотипных элементов – атомизированных индивидов; единство с предельно неустойчивой структурой или ее отсутствием; различается по численности и плотности скопления на определенной территории	<i>Граждане</i> – наделены государством статусом и реализуют публичную роль гражданина, связаны коллективными обязательствами с другими индивидами; носители <i>гражданских добродетелей</i> – основы норм взаимодействий в пределах гражданского общества или народа (нации) как политического единства (государства)	<i>Множество</i> – форма существования многих в качестве многих; социальной и политической субъективности; родовые человеческие способности (интеллект, язык, социальные навыки) как основа негосударственных форм объединения «общественных индивидов»; многообразие, ограниченное правом и моралью
Основание	Базовые нужды	Гражданские права	Права человека

Заметим, что в упомянутом выше исследовании основное внимание было сосредоточено на сравнении сущностно противостоящих друг другу (но не взаимоисключающих) типов массовой политики – политики масс и политики граждан; были проанализированы их институциональные основания и условия их потенциального разворачивания в России. За скобками была оставлена политика множеств, поскольку это инновационный тип массовой политики. Это новая политика, контуры которой только намечаются – как в России, так и на Западе. Не рассматривалась и еще одна гипотетическая модель, противоположная массовой политике, – полная аполитичность масс и редуцирование политического, сведение его к административным практикам узкого круга («элиты»).

Последний вариант, на первый взгляд, представляется едва ли не наиболее логичным следствием дуалистического политического сознания россиян, в котором осознанная, целенаправленная политическая активность, будучи атрибутом современной политики, относится к «внешнему» слою нормативно-ценностного комплекса, вступающему в противоречие с его традиционалистской «сердцевиной».

По ряду параметров россияне демонстрируют достаточно высокий уровень политической активности. Так, в голосовании на последних выборах в Государственную думу приняли участие около 48% граждан страны [Выборы-2016; Итоги, 2016]. Опросы также показывают рост интереса россиян к политике: доля заявивших о том, что интересуются политикой, увеличилась с 30% в 2010 г. до 49% весной 2016 г., больше стало и тех, кто хотя бы изредка обсуждает события политической жизни со своими знакомыми и близкими [Интерес к политике: мониторинг, 2016].

Однако по другим данным, политическая активность российских граждан носит скорее формальный, ритуальный характер, а их интерес к политике весьма поверхностен и также сводится к ритуалу, к пассивному «наблюдению». Согласно опросу Левада-центра [Готовность участвовать в политике, 2016], 80% респондентов не готовы более активно участвовать в политике, объясняя это тем, что «все равно ничего изменить нельзя» (29%) и что «политика – не для рядовых граждан», или ссылаясь на нехватку времени (по 28%). Доля россиян, которые считают, что не могут влиять на принятие государственных решений в стране или регионе, достигла десятилетнего максимума (87 и 81% соответственно). Столь

же высока доля тех, кто не готов участвовать в массовых протестных выступлениях – 82% для выступлений с экономическими и социальными требованиями и 85% для выступлений с политическими требованиями [Протестный потенциал, 2016]. Что касается интереса к политике, то людей, интересующихся конкретными политическими событиями, гораздо меньше, чем тех, кто заявляет о своем интересе к политике «вообще». Так, накануне последних парламентских выборов только 21% россиян следили за теледебатами между представителями партий, участвовавших в выборах, а более половины заявили о том, что дебаты «не смотрели и не будут смотреть» [Интерес к теледебатам, 2016].

Отчуждение от политики и от власти остается одной из ключевых характеристик российского массового политического сознания, при этом сохраняются и элементы патерналистской зависимости от власти (см. табл. 2).

Таблица 2

Как бы вы определили свои отношения с властью?

	фев. 2006	фев. 2010	январ. 2012	фев. 2012	мар. 2013	мар. 2014	мар. 2015	авг. 2016
Вступая в контакт с властью, вы добиваетесь от нее того, что вам нужно	6	3	5	6	8	5	10	7
Ваша жизнь во всем зависит от власти	24	27	25	21	22	28	25	20
Вы живете, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью	62	62	60	65	64	59	55	66
Затруднились ответить	8	8	10	8	6	8	10	7

Источник: [Готовность участвовать в политике, 2016].

Согласно летнему опросу 2016 г., 64% россиян совершенно не чувствовали ответственности за происходящее в стране (в ноябре 2015 г. таковых было на 9% меньше) [Ответственность и влияние, 2016]. При этом 78% респондентов не надеются на помощь государства и рассчитывают лишь на собственные силы [Готовность участвовать в политике, 2016].

В апатичности и инертности массовых слоев, в их слабости и неспособности «бросить вызов» существующему порядку вещей заключается «ресурс прочности» власти. Соответственно, власть

заинтересована в консервации дуализма политического сознания путем сочетания в политическом дискурсе традиционалистской и модернизационной составляющих. Обратная сторона тенденции деполитизации масс – растущая зависимость власти и ее носителей от аппаратных, групповых интересов, амбиций и интриг. Политические элиты не способны выработать устойчивое согласие по принципиальным вопросам развития российского общества. В сочетании с другой важной характеристикой массового сознания – отказом от ответственности за развитие страны – это приводит к ситуации институциональной ловушки [Институциональная политология, 2006].

Помимо этого, при столкновении с новыми внутри- и внешнеполитическими условиями, требующими модернизации не только формальных институтов, но и самих нормативно-ценностных основ общества, архаические элементы массового политического сознания способны воплотиться в практики политики масс. Реализация этого потенциала не только помешает формированию в России институционализированного политического пространства современного типа, но и может в перспективе оказать деструктивное воздействие на существующие государственные институты.

Данные проводившихся в последнее время опросов не могут быть однозначно интерпретированы как свидетельство того, что политическое сознание россиян «развернуто» в сторону политики масс. Однако вероятность этого, несомненно, существует. Впрочем, обнаруживаются и указания на возможность трансформации политического сознания, преодоления его дуализма через политику граждан. Ниже приводятся данные опроса, проведенного отделом сравнительных политических исследований Института социологии РАН летом 2014 г.¹ Перспективы конституирования того или иного типа массовой политики рассматриваются через соотнесение с основными измерениями институционального пространства политики – мобилизации, представительства, участия и действия.

Под мобилизацией мы понимаем процессы, связанные с вовлечением индивидов в политику (в том или ином качестве). К факторам, определяющим направление этих процессов, в частности, относятся:

¹ Июнь-июль 2014 г.; N респондентов = 1350 (выборка – стихийная с соблюдением квот по типу населенного пункта, полу и возрасту).

а) неправоное vs гражданско-правовое сознание:

– политика масс – «В России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять» (16%);

– политика граждан – «В России законы можно и нужно выполнять» (51%);

б) потребность в единении vs потребность в конкуренции:

– политика масс – «Единство различных политических сил более полезно для России» (55%);

– политика граждан – «Конкуренция между различными политическими силами более полезна для России» (25%).

Представительство – это институты, обеспечивающие «перевод» интересов индивидов в управленческие решения. Здесь обращают на себя внимание следующие факторы:

а) вождизм vs демократическое представительство:

– политика масс – «Для России более важен сильный лидер» (48%);

– политика граждан – «Для России более важно развитие демократии» (36%);

б) принцип большинства vs принцип плюрализма:

– политика масс – «Важные для страны решения должны приниматься при опоре на большинство и без оглядки на меньшинство, поскольку все мнения учесть невозможно» (22%);

– политика граждан – «Важные для страны решения должны учитывать все мнения, даже тех, кто оказался в меньшинстве, поскольку надо уважать интересы всех граждан» (68%).

Участие – практики, воспроизводящие политический порядок и обеспечивающие стабильность. В качестве одного из наиболее существенных факторов можно выделить тип голосования на выборах – ритуальное и «персонализированное» голосование vs «программное» голосование:

– политика масс – «Когда я решаю, за какую партию голосовать, для меня самое важное – личность лидера партии» (10%);

– политика граждан – «Когда я решаю, за какую партию голосовать, я изучаю предвыборную программу партии или кандидата» (17%).

Наконец, под действием мы понимаем практики, направленные на трансформацию политического порядка. Здесь в качестве ключевого показателя можно рассматривать отношение к массовым протестным выступлениям:

– политика масс – «Массовые протесты разрушительны для общества» (43%);

– политика граждан – «Массовые протесты ведут к позитивным изменениям в обществе» (35%).

В последнее время появился ряд исследований, посвященных трансформации политического сознания в современной России. В некоторых из них отмечается «переходность, промежуточность нынешнего этапа эволюции нормативно-ценностных систем россиян в движении по пути от нормативно-ценностных систем этатрагической разновидности обществ традиционного типа к обществам модерна» [Тихонова, 2011, с. 76]; другими словами, трансформация политического сознания рассматривается как составляющая линейного, стадийного процесса, в ходе которого традиционный тип сознания должен быть заменен, вытеснен современным типом сознания. На наш взгляд, концепция дуалистического сознания более адекватна для оценки нормативно-ценностных комплексов современного российского общества, специфика которых заключается не в их переходном характере, а в длительном неразрывном сосуществовании архаики и модерна. Выбор той или иной концептуальной схемы определяет, какой прогноз можно сделать относительно дальнейшего развития массового политического сознания и, следовательно, конституирования того или иного типа массовой политики.

Преодоление дуализма массового сознания (и социокультурного раскола) не представляется возможным в рамках политики масс, оно потребует политики граждан (не исключено, что в определенный момент будет возможна и трансформация политики в рамках парадигмы множества). Исходя из исторического опыта очевидно, что этот дуализм преодолевается в практическом – результативном – политическом действии, осуществляемом в результате сознательного выбора тех или иных политических альтернатив. Вовлечение масс граждан в политический процесс требует преодоления монологизма власти и разворачивания гражданского и политического диалога. Пока политическое развитие России идет в другом направлении.

Список литературы

Амиров Д.Ю. Социально-философский анализ обыденного политического сознания: Дис. ... канд. филос. наук. – Невинномысск, 2010. – 175 с.

- Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Социально-политический журнал. – М., 1992. – № 8. – С. 10–22.
- Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России): В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1. – 804 с.
- Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 6. – С. 42–52.
- Баранов Н.А. Трансформация политического сознания современного российского общества // ПОЛИТЭКС. – СПб., 2007. – Т. 3, № 1. – С. 82–98.
- Баталов Э.А. Сознание политическое // Политическая энциклопедия: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 433–434.
- Биккенин Н.Б. Политическое сознание // Общественное сознание и его формы / Общ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – С. 70–107.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы социальной интеграции в современном обществе) // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 4. – С. 61–74.
- Бодио Т. Сознание и политическое поведение: Ограничения рациональности политических действий // Элементы теории политики: Сб. ст. / Под ред. В. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Рост. ун-т, 1991. – С. 12–23.
- Василенко И.В., Перишин Н.И. Особенности массового политического сознания // Проблемы социально-гуманитарного знания: Межвузовский сб. научн. тр. – Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2000. – С. 196–201.
- Выборы–2016. Итоги. – М., 2016. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/528903> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Гаджиев К.С. Политическая культура и политическое сознание // Политическая культура, теория и национальные модели / Отв. ред. К.С. Гаджиев. – М.: Интерпракс, 1994. – С. 35–54.
- Готовность участвовать в политике / Левада-центр. – М., 2016. – 23 августа. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike/> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 318 с.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.
- Гудков Л. Имморализм посттоталитарного общества в России // Полит. ру. – М., 2016. – 24 июля. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2016/07/24/immoralism/> (Дата посещения: 28.09.2016.)
- Гудков Л.Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – М., 2009. – № 2 (100). – С. 8–37.
- Дегтярев А.А. Основы политической теории. – М.: Высшая школа, 1998. – 239 с.

- Денисов И. Политическое сознание современного российского общества // Полит-наука. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/denisov.php> (Дата посещения: 01.10.2016.)
- Дилигенский Г.Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. – М., 1983. – № 11. – С. 3–15.
- Елева В.И. Манипулирование массовым политическим сознанием: Анализ репрезентации проявлений, разновидностей и технологий: Дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 176 с.
- Зинченко В.П. Творческий акт и смысл в структуре сознания. (Отчет по Индивидуальному исследовательскому проекту № 07-01-178, выполненному при поддержке Научного фонда ГУ-ВШЭ). – М., 2008. – 235 с. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/447/445/1233/Зинченко_ВП_%20творческий%20акт_1.doc (Дата посещения: 04.11.2016.)
- Ильин М.В. Умножение идеологий, или Проблема переводимости политического сознания // Полис. Политические исследования. – М., 1997. – № 4. – С. 78–89.
- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 590 с.
- Интерес к политике: Мониторинг // ФОМ. – М., 2016. – 25 мая. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/12680> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Интерес к теледебатам // ФОМ. – М., 2016. – 2 сентября. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/12836> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Прошиников М.Л. Государственность в России: Традиции и современность // Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В. Пузанов. – СПб.; Ижевск, 2001. – С. 357–365.
- Калашикова С.М. Исторические аспекты формирования различных типов политического сознания в России во второй половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2006. – 233 с.
- Кертман Г. Массовое сознание и становление российской государственности // Правила игры. – М., 1994. – № 1. – С. 120–133.
- Ключевский В.О. Курс русской истории: Сочинения: В 9 т. – М., 1987. – Т. 1. – 430 с.
- Кнабе Г.С. Перевернутая страница // Чтения по истории и теории культуры. – М., 2002. – Вып. 31. – 60 с.
- Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. – М.: Университетская книга, 2014. – 352 с.
- Конт-Спонвиль А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
- Коришников В.А. Общественно-мировоззренческая традиционность как фактор развития российской государственности // Уроки Вульфсона / Под ред. Е.А. Вишленковой, А.Н. Бикташевой. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2003. – С. 297–309.
- Кулакова Т.А. Противоречия массового политического сознания населения современной России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 16 с.
- Лазебный Л.И. Политическое сознание: Социально-философский анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М.: Институт философии РАН, 1998. – 42 с.
- Левада Ю.А. От мнения к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 576 с.

- Леденева В.Ю. Эволюция массового политического сознания в условиях трансформации российского общества (социологический анализ): Дис. ... канд. соц. наук. – М.: РАГС, 2004. – 167 с.
- Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. – Изд. 5. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 29. – С. 77–218.
- Лефевр В.А. Алгебра совести. – М.: Когито-Центр, 2003. – Т. 29. – 426 с.
- Лефевр В.А. Высшие ценности и формальная теория выбора // Рефлексивные процессы и управление: Международный научно-практический междисциплинарный журнал. – М., 2009. – Т. 9, № 1–2. – С. 51–56.
- Мартыанов Д.С. Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: Ревизия подходов к структуре и определению // Вестник СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. – СПб., 2015. – Вып. 3. – С. 57–69.
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 287 с.
- Массовое сознание и массовые действия: Годичный отчет за 1992–1993 гг. по разделу общенститутской программы Альтернативы социальных преобразований в российском обществе / Рук. В.А. Ядов; РАН. Ин-т социол. – М., 1994. – 149 с.
- Мелешкина Е.Ю. Политическое сознание // Политический процесс: Основные аспекты и способы анализа: Сб. учеб. материалов / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. – М.: Кнорус, 2001. – С. 130–151.
- Мельвил А.Ю. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая / Под ред. Л. Шевцовой. – М.: Моск. центр Карнеги, 1998. – С. 136–194.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи, (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. – 2-е изд., испр. – СПб., 2000. – XL, 548 + 583 с.
- Мозг, познание, разум: Введение в когнитивные нейронауки: В 2 ч. – Ч. 1 / Под ред. Б. Баарса, Н. Гейдж; пер. с англ. под ред. проф. В.В. Шульговского. – М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2014. – 552 с. – Режим доступа: <http://files.lbz.ru/pdf/cC2352-4-ch.pdf> (Дата посещения: 08.11.2016.)
- Мшвениерадзе В.В. Современное буржуазное политическое сознание: Философский аспект. – М.: Наука, 1981. – 448 с.
- Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ: Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
- Ответственность и влияние / Левада-центр. – М., 2016. – 13 июля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/07/13/otvetstvennost-i-vliyanie/> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Патрушев С.В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 6. – С. 120–133.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Массовая политика в России: К проблеме изучения и концептуализации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 4: Массовый фактор в современной политике. – С. 9–29.

- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Массовая политика: Опыт институциональной реконцептуализации // Полис. Политические исследования. – М., 2016. – № 2. – С. 131–151.
- Плимак Е.Г. Революционный процесс и революционное сознание. – М.: Политиздат, 1983. – 240 с.
- Поливаева Н.П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М.: РГСУ, 2009 г. – 55 с.
- Поливаева Н.П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: Дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2009 г. – 462 с.
- Протестный потенциал / Левада-центр. – 16 сентября. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/09/16/protestnyj-potentsial-4/> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Пути России. Новый старый порядок – вечное возвращение?: Сб. ст. / Ред.: Пугачева М.Г., Филиппов А.Ф. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 21. – 456 с.
- Распад СССР / Левада-центр. – М., 2016. – 19 апреля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr/> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Розов Н.С. Российский менталитет: Наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир России. – М., 2011. – № 2. – С. 100–112.
- Смолина Ю.В. Тоталитарное политическое сознание: Дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 144 с.
- Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 575 с.
- Суслопаров А.Г. Место и роль политической культуры в системе политического сознания: Дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 1995. – 155 с.
- Суханов В.М. Философские проблемы становления и функционирования массового политического сознания в современном российском обществе: Дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2002. – 134 с.
- Тихонова Н.Е. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации // Тетра есonomicus. – Ростов-на-Дону, 2011. – Т. 9, № 2. – С. 60–85.
- Хлопин А. Феномен «двоемыслия»: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) // Общественные науки и современность. – М., 1994. – № 3. – С. 49–60.
- Холодковский К.Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1979. – № 6. – С. 126–131.
- Хранов С.А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: Дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2011. – 304 с.
- Широков Е.В. Массовое политическое сознание современной России: Его состояние и особенность: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС, 1996. – 22 с.
- Эпоха Ельцина и распад СССР / Левада-центр. – М., 2016. – 1 февраля. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/01/epoha-eltsina-i-raspad-sssr/> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Юлина Н.С. Очерки по современной философии сознания. – М.: «Канон+»: РООИ «Реабилитация», 2015. – 408 с.

- Alexander J.T.* Autocratic politics in a national crisis: The imperial Russian government and Pugachev's revolt, (1773–1775). – Bloomington: Indiana univ. press, 1969. – 346 p.
- Block N.* On a confusion about the function of consciousness // Behavioral and brain sciences. – N.Y., 1995. – N 18. – P. 227–247.
- Carruthers P.* Phenomenal consciousness: A naturalistic theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 368 p.
- Consciousness // Internet encyclopedia of philosophy. – Mode of access: <http://www.iep.utm.edu/consciou/> (Дата посещения: 02.10.2016.)
- Jameson F.* The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act. – Ithaca: Cornell univ. press, 1981. – 305 p.
- Rogger H.* National consciousness in eighteenth-century Russia. – Cambridge: Harvard univ. press, 1960. – viii, 319 p.
- Samuels A.* The political psyche. – L.: Routledge, 1993. – xv, 380 p.